

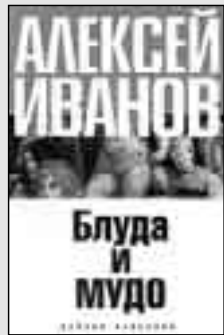
СМ КНИЖНЫЙ РЯД

ЗВЕЗДЫ НА КРЫЛЬЯХ

Авиация сыграла едва ли не главную роль в спасении нашей столицы от разрушения с воздуха в период Московской битвы 1941-1942 годов. Какие человеческие качества и действия авиаторов обеспечили успех, рассказывает книга **Галеры Бобровой «Шестнадцатый»** (издательство «Голден-Би») на примере одного из самых результативных истребительных авиаполков, воевавших с высокой боевой эффективностью при минимальных потерях. Книга, выпущенная в рамках издательской программы правительства Москвы и Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации, знакомит с историей 16-го истребительного авиационного полка ПВО Москвы.

ТАБУ ОТМЕНЯЕТСЯ

После развернутого исторического полотна «Золото бунта», публицистической книги «Message: Чувства», ставший уже знаменитым писатель **Алексей Иванов** предлагает совершенно неожиданный роман, действие которого разворачивается в наши дни в провинции. «**Блуда и Мудо**» (издательство «Азбука») – неприкрашенный взгляд на нашу российскую жизнь, которая неизвестна в столице. Это история человека, создающего совершенно новый тип семьи, в ином формате мышления и осмысления действительности. У многих книга может вызвать неприятие – натурализм и чрезмерным документализмом повествования. Время рассудит, кто прав – автор со своим скепсисом или мы с привычными лекалами в оценках.

СМУТА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКА

Павел Долгоруков – видный деятель земского движения, один из основателей Союза освобождения, кадетской партии. Он выступал против применения насилия в революции и против самой революции, участвовал в Белом движении, в 1926 году перешел границу для выяснения ситуации в СССР, где был пойман и расстрелян. В книгу «**Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов**» (издательство «Центрополиграф») включены воспоминания Долгорукова, записки его брата и документы эпохи, увиденной глазами очевидцев.

ГЕРОИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Автор книги «**Повседневная жизнь рыцарей в Средние века**» (издательство «Молодая гвардия») – известный французский исследователь **Жан Флори**. Он сознательно добивается хрестоматийный образ рыцарства на несколько ключевых проблем и пытается решить их, рассматривая в контексте времени. Читатель найдет в книге интереснейшие подробности о жизни рыцарей, их влиянии на церковь и аристократию, литературу и искусство.

Николай МОДЕСТОВ

Почти уже после занавеса сезона – радостное событие: премьера в «Школе драматического искусства». Театр, как и вся отечественная сцена, понес непоправимую утрату: скоро год, как его основатель и руководитель отечественных режиссеров, покинул страну. В былые времена по поводу невозвращения подняли бы громкий шум по обе стороны границы, сейчас все прошло относительно спокойно. Чинювники, виновные в том, что давний конфликт принял столь грустную форму, продолжают отправлять свои должности...

По счастью, ученики Васильева твердо помнят его урок: что бы ни случилось, надо работать. Работа идет и в отнятом помещении на Поварской (с самого начала было ясно, что проект «Открытая сцена», под который якобы оно реквизировано, не может так осуществиться в должной мере), выходят премьеры и в основном здании. Последняя – «Чудо со щеглом» по раннему произведению Арсения Тарковского в постановке Александра Огарева.

Уже сам выбор литературной основы – противопоставление как антрепринеру примитиву, так и «новой драме», этой разновидности масскультных подделок. Небольшая поэма взята в продолжение давних опытов по звучанию слова; автоматически рождается и альтернатива обращению с произведением, не предназначенным для сцены: ва-

рианты Камы Гинкаса или Марины Брусникиной уже не производят впечатления новизны.

История, рассказанная молодым поэтом, незатейлива, ее суть – не в причудливой интриге (таковая отсутствует), а в теплых житейских подробностях, из которых возникает мощная лирическая стихия. Болезнь зимой, балконы и дальние планы, насытив действие множеством милых деталей. Чего стоит один только стол, за которым свершается ритуал чаепития! Ближайший ее союзник, художник по свету Иван Даничев, придал общей картине трепетное очарование каждого момента – то тихо гаснущими фонарями на балконах, то дрожью настоящих све-

ДВОЙНОЕ ЧУДО

здоровление весной и полная роскошь физического благополучия, соединенная с пьянящей влюбленностью, – фазы, через которые проходит главный герой. В сплыве с россыпью примет быта: рядом обитают музыкальные соседи, красавец-бас и его супруга-сопрано, хозяйка дома, естественно, без ума от баса – с ней и произойдет заявленное в заглавии чудо, излечение от нелепой любви и рождение привязанности к певцу пернатому.

Все эти несложные перипетии напоены любовью к жизни и юмором, снижающим излишний пафос (хотя временами-таки в постановке проглядывает слащавость). Огарев собрал дружную команду: сценограф Елизавета Дзудцева через весь зал «Манежа» протянула изящную резную стену-ширму, одновременно театральную и дающую пищу воображению, а также использовала

балконы и дальние планы, насытив действие множеством милых деталей. Чего стоит один только стол, за которым свершается ритуал чаепития! Ближайший ее союзник, художник по свету Иван Даничев, придал общей картине трепетное очарование каждого момента – то тихо гаснущими фонарями на балконах, то дрожью настоящих све-

главного действующего лица бросается в глаза. К тому же он не уловил своеобразия поэтического языка Тарковского (это, впрочем, общий недостаток) – порой тот звучит громово, словно у раннего Маяковского. Другие актеры тоже еще не вполне освоили иную манеру чтения, что особенно проявляется, когда одну строку произносят – по слову-двум – несколько исполнителей. Артисты порой плохо слышат друг друга, не находят общего тона, а немало звуков и слов вообще пропадает.

Конечно, основные претензии здесь к постановщику: с одной стороны, Огарев увлекся вокально-пластическими номерами, за которыми действие подчас распадается на фрагменты, связанные между собой мыслью поэта, но не режиссера. С другой – режиссер, который четко представляет запросы сегодняшней аудитории, увлекся ироничным отношением к «поселковой повести» (такое определение жанра дал Тарковский), отчего нередко теряется двойной ракурс – искренности и лукавой усмешки, а действие клонится в банальный стейб.

Хочется надеяться, что это издержки премьеры и что в новом сезоне отдохнувшие актеры покажут ту виртуозность, от которой захватывает дух в лучшие мгновения спектакля. Тогда «Чудо со щеглом» обернется и театральным чудом.

Геннадий ДЕМИН

АФИША, ПОЛНАЯ ПРЕМЬЕР

Вопреки традиции Большой театр откроет свой новый, 232-й сезон не в сентябре, а 5 октября – премьерой оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама». Музыкальным руководителем и дирижером спектакля стал Михаил Плетнев, в качестве режиссера приглашен Валерий Фокин, для которого эта работа станет дебютом в опере.

Вторая премьера назначена на 22 апреля будущего года: «Кармен» Ж. Бизе, хотя и ставилась семь раз за всю историю театра, в последние годы не шла на его сцене. Авторская же версия с развернутыми диалогами здесь вовсе никогда не появлялась. Этим займется новый приглашенный главный дирижер театра Юрий Темирканов и режиссер с мировым именем Дэвид Паунтни, в прошлом – главный режиссер английской Национальной оперы в Лондоне, а ныне художественный руководитель престижного фестиваля в австрийском Брегенце.

Балетная труппа готовит сразу три премьеры. В рамках проекта «Короли танца» москвичи увидят балет датчанина Флеминга Флиндта «Урок», который даст возможность наследить мастерством лучших балетных исполнителей, среди которых артисты Большого Николай Цискаридзе и Сергей Филин. Премьера намечена на 28 октября. А через четыре месяца в Большом вернется старинный балет «Сильфида», но в обновленном варианте. Эта жемчужина романтизма пойдут в редакции Юohana Кобборга – ведущего танцовщика английского Королевского балета – и постановщика нескольких балетов А. Бурнониля. Возвращение шедевра советской эпохи – балета «Пламя Парижа» балетмейстера В. Вайнонена на музыку Б. Асафьева – намечено на 3 июля 2008 года. В конце сезона состоится уникальное событие – 100-летие блистательной Марины Тимофеевны Семенович, великой русской балерины и педагога ГАБТа – пройдет фестиваль в ее честь. В его программе шедевры классики – «Лебединое озеро», «Баядерка», «Раймонда».

Елена ДМИТРИЕВА

Если бы мне пришлось отвечать на вопрос, с чем у меня ассоциируется тот далекий молодежный праздник, я бы назвала Белую голубку Пикассо, ромашку с пятью разноцветными лепестками, белозубые улыбки представителей разных континентов мира и торжественно-строгую мелодию Анатолия Новикова, именуемую «Гимном демократической молодежи». И вот эта фестивальная ромашка, символ молодежных форумов, запечатлена в стекле, металле, фарфоре и граните. Знаменитая голубка смотрит на меня со множества плакатов, открыток, марок и пригласительных билетов... Я уже не говорю о белозубых улыбках, которые спят глаза... Все это экспонаты выставки «Песню дружбы запеваеет молодежь», посвященной 50-летию VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г. На ее открытии в Историческом музее играла музыка тех лет, все хором повторили: «Песню дружбы запеваеет молодежь, эту песню не задушишь, не убьешь»... И каждому гостю вручали ромашку. Живую!

Надо ли говорить, что фестиваль стал эпохальным событием. В наш город впервые приехали 34 тысячи человек из 131 страны мира!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОЛУБКИ

Полвека назад Москва стала местом встречи молодежи из 131 страны мира под девизом «За мир и дружбу!»

Впервые был приоткрыт «железный занавес», и москвичи могли знакомиться с представителями других стран, рас и культур, увидеть многих знаменитых иностранцев: Джину Лолло-

бриджу, Раджа Капура, Сильвану Пампанини, Имму Суммак...

Выставка замечательно передает атмосферу форума. Вот на фото его участница Людмила Зыкина, рядом – концертное платье певицы. Вот фото одного из фестивальных концертов: вся Манежная площадь, от здания Манежа до гостиницы «Москва» заполнена людьми. А вот экспонат иного рода: стенограмма встречи молодых советских марксизмом с молодыми христианами Англии и Шотландии...

Фестиваль закончился грандиозным по тем временам приемом на 1200 человек в Кремле, в Тайницком саду. На него от каждой делегации приглашалось по три человека. Это был первый открытый прием иностранцев. А фестиваль стал первым глотком свободы, он перевернул взгляды советских людей на одежду, манеру поведения, стиль жизни. Инерция оцепенения закончилась, открылась дорога к «оттепели».

Елена ЛИТОВЧЕНКО

БЫЛАЯ ЖИЗНЬ, ГРЯДУЩАЯ СУДЬБА...

На протяжении последних пятнадцати лет наше кино так часто увлекалось эстетикой сталинской эпохи, что об иных временах и не вспоминало. Фильмы о Серебряном веке – эпохе модерна – стали редкостью. А те, что появляются, не всегда передают дух эпохи. Кажется, те люди слишком далеко от нас – томные, изысканные красавицы, элегантные денди, пламенные революционеры...

Однако находятся все же режиссеры, которые решаются воссоздать на экране стиль рубежа девятнадцатого – двадцатого веков. Среди них – Татьяна Воронцовская, чей новый фильм «Натурщица» интересен не только тем, о чем рассказывает, но и тем, как он снят. Знаменательно, что сценарий по рассказу Юрия Нагибина «Трое и одна, и еще один» написал сценарист фильма «Остров» Дмитрий Соболев. Теперь я берусь утверждать, что

Соболев владеет самыми разными жанрами.

...Старый Тифлис был построен на «Мосфильме» – видимо, в современном Тбилиси авторы ехать не решились. Тем не менее атмосфера старинного города стала одним из главных действующих лиц фильма. На этом фоне и разыгрывается любовная драма. Он, Владислав Ешенбах (Даниил Спиваковский), серьезен и педантичен во всем, считает, что жизнь должна протекать по строгим

правилам. Она, Софья Пшебышевская (Виктория Толстоганова), обожает нарушать запреты и думает, что в жизни главное не правила, а красота. Она тоскует по волшебному миру искусства, раздвигающему рамки человеческого существования, а он этого мира не понимает. Она – вольная, дикая, а ему не под силу приручить ее. Они не могут быть вместе, но отпустить ее на свободу он тоже не в состоянии. Поглощенные взаимоотношениями героев, мы почти упускаем из виду, что вокруг них творится нечто подзвонное: кто-то печатает и расклеивает прокламации, кого-то ловит полиция... Иногда чудится, что авторы фильма смотрят на все происходящее несколько отстраненно, с легкой иронией: Виктор и Софья мечутся в плену своих страстей, а тем временем Российская империя неуклонно сползает к катастрофе.

В чем же трагедия красавицы Софьи – бывшей натурщицы, музы и вдохновительницы великих художников? Ее

недостаточно любили или же любили слишком сильно? Почему красота обречена на гибель в нашем жестоком мире? Может быть, потому, что она изменила самой себе, захотела покоя, обеспеченности и связала себя с человеком, абсолютно чуждым ей по духу? Трагедия, свидетелями которой мы становимся, заставляет почувствовать разлитую в воздухе тревогу, неутолимую чуждость мира. Впрочем, жизнь коротка, а искусство вечно, и натурщица Софья Пшебышевская останется жить на картинах великих мастеров.

Повествование кажется текучим и изломанным, подобно линиям художников-декадентов. И, глядя на это стильное зрелище, невольно вспоминаешь предреволюционную лирику Александра Блока, наполненную беспокойными предчувствиями, ожиданием катастрофы. Не часто встречаются сегодня столь «атмосферные» фильмы, но именно эта атмосфера, неуловимое настроение приводят зрителя к размышлениям о судьбе страны в грядущих бурях двадцатого века.

Татьяна СЕМАШКО